

10. Сото Э. Иной путь. – М., 1995
11. Спенсер Г. Опытны научны, политиче-ские и философские. – Минск, 1998. Т. 1. С. 388–465.
12. Уинтер С. Естественный отбор и эволюция // Экономическая теория / Под ред. Дж. Итуэлла, – М. Милгрейта, П. Ньюмена (New Palgrave). М., 2004.
13. Фридмен М. Методология позитивной экономической науки // THESIS. 1994. – Т. 2. – Вып. 4.
14. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. – М., 1992.
15. Ходжсон Дж. Экономическая теория и институты: Манифест современной институциональной экономической теории. – М., 2003.
16. Alchian A.A. Uncertainty, Evolution, and Economic Theory // Journal of Political Economy. Jun., 1950. V. 58. № 3.
17. Arthur W.B. Competing Technologies, Increasing Returns, and Lock-In by Historical Events // The Economic Journal. Mar., 1989. V. 99. № 394.
18. Arthur W. B. Increasing Returns and Path Dependence in the Economy. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1994.
19. David P.A. Clio and the Economics of QWERTY // American Economic Review. 1985. V. 75. № 2.
20. Dew N., Sarasvathy S.D., Venkataraman S. The economic implications of exaptation // J Evol Econ 2004. Vol. 14, №1.
21. Dopfer K. Toward a theory of economic institutions: Synergy and path dependency // Journal of Economic Issues. Jun., 1991. V. 25. № 2.
22. Gould S.J., Vrba E.S. Exaptation – a missing term in the science of form. Paleobiology. 1982, V.8, №1.
23. Hodgson G. Economics and Evolution: Bringing Life Back into Economics. Cambridge: Polity Press, 1993.
24. Nelson R.R. Recent Evolutionary Theorizing About Economic Change // Journal of Economic Literature. Mar., 1995. V. 33. № 1.
25. Knudsen T. Economic selection theory // Journal of Evolutionary Economics (2002) Vol.12. No.4.
26. Mokyr J. Technological Inertia in Economic History // Journal of Economic History. Jun., 1992. V. 52. № 2.
27. Mokyr J. Evolutionary phenomena in technological change. In: Ziman J (ed) Technological innovation as an evolutionary process, Cambridge University Press, Cambridge, 2000.
28. Powell J. H., Wakeley T. M. Evolutionary concepts and business economics: Towards a normative approach, Journal of Business Research, Volume 56, Issue 2, February 2003.
29. Rammel C., Bergh J. van den. Evolutionary policies for sustainable development: adaptive flexibility and risk minimizing // Ecological Economics. Dec., 2003. V. 47. № 2–3.

Статья поступила в редакцию 23.12.2005

И.П. БУЛЕЕВ, д.э.н., профессор,
Н.Е. БРЮХОВЕЦКАЯ, д.э.н., профессор,
Институт экономики промышленности НАН Украины

ВОЗМОЖНО ЛИ РАЗДЕЛЕНИЕ БИЗНЕСА И ВЛАСТИ В СТРАНАХ С РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКОЙ?

Среди политической элиты Украины, законодателей, правительства весьма популярен тезис о необходимости отделения бизнеса от власти. Частично данное положение закреплено в Конституции Украины, где в ст. 78 указано: «Вимоги щодо несумісності депутатського мандата з іншими видами діяльності встановлюється законом», а в ст. 82 записано: «У разі невиконання вимоги щодо несумісності депу-

татського мандату з іншими видами діяльності повноваження народного депутата України припиняються достроково на підставі закону та рішенням суду» Законом України «Про статус народного депутата України» Ст. 3.4 заперещается народным депутатам: «Займатися будь-якою, крім депутатської, оплачуваною роботою, за винятком викладацької, наукової та твор-

© И.П. Булеев, Н.Е. Брюховецкая, 2006

чої діяльності, а також медичної практики у вільний від виконання обов'язків народного депутата час"; 3.6 "...входить до складу керівництва, правління ради підприємства, установи, організації, що має на меті одержання прибутку".

Этих ограничений недостаточно для отделения бизнеса от власти, тем более что они касаются только народных депутатов Украины, не затрагивая депутатов других уровней, не касаются других ветвей власти, прежде всего исполнительной, хотя наиболее негативным фактором является симбиоз крупного бизнеса с исполнительной властью. Эти вопросы не урегулированы законодательно, и все внимание направлено на депутатский корпус.

В Программе деятельности Кабинета Министров Украины «Назустріч людям» отмечается: «Зрощення влади і бізнесу, корупція і хабарництво стали загрозою національній безпеці» [1, с. 6]. Этот тезис находит положительный отклик у значительной части населения, привыкшего к принципам уравнительности, отстранения от собственности, от участия в управлении производством и в жизни региона, государства, что характерно для стран с незначительным средним классом и не сформировавшимся гражданским обществом.

Однако провозглашенный тезис о необходимости разделения власти и бизнеса применительно к исполнительной власти не получил законодательного закрепления, не реализуется на практике и тому есть объективные причины.

Капиталистическому обществу, в котором практически уже перешли страны социалистической ориентации, находившиеся в сфере влияния бывшего Союза ССР, государствам, возникшим как самостоятельные из бывших союзных республик СССР, присуще неравенство в распределении собственности материальных и духовных благ. На современном этапе развития для всех капиталистических государств характерна концентрация большей части валового внутреннего продукта (ВВП) в руках небольшого количества семейств, кланов, групп населения. Частная собственность объявлена священной и не-

прикосновенной, ее необходимо защищать как от других государств, так и от бедных слоев (классов) населения собственных стран. Эту функцию (защиты прав собственности) выполняет государство как системообразующий институт, формируя развитую систему других государственных институтов, способствующих реализации основных и прочих функций капиталистического производства. Одновременно, в противовес государственным институтам, общество и государство формируют гражданские, общественные институты, позволяющие смягчить межклассовые противоречия внутри государства. Соотношение роли государства и общества в формировании институтов различно в зависимости от функций, реализуемых тем или иным институтом. Так, профессиональные институты формируются главным образом наемными работниками при отрицательном отношении к ним представителей мелкого, среднего и крупного капитала. Законодательные органы, посредством реализации института выборности, формируются всем обществом, но при ведущей роли крупных собственников. Институты обеспечения государственной безопасности формируют органы государственной власти, управления, среди которых практически не заняты малоимущие слои населения.

Цель данной работы – определение взаимоотношений бизнеса и власти, уровня обоснованности тезиса разделения бизнеса и власти в постсоциалистических государствах.

В капиталистическом обществе, где от 60 до 90% собственности является негосударственной, а главным образом, частной, собственник определяет условия производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных благ. Однако есть функции, которые частный капитал не может выполнять по ряду причин: длительный срок окупаемости затрат (общее образование, значительная часть здравоохранения, экология); масштаб затрат (программы космических исследований, оборона, внутренняя безопасность, фундаментальная наука); общественный

характер затрат и т. д. Эти функции выполняет государство, формируя собственные институты и обеспечивая их финансирование посредством перераспределения части ВВП через бюджет.

В государствах с устоявшимися государственными и гражданскими институтами, системой обеспечения прав собственности, в том числе среднего класса и миноритарных акционеров заинтересованы все собственники. Они заинтересованы в стабильности и эволюционном развитии экономических и социальных процессов. Налогоплательщик является наиболее уважаемым субъектом гражданского общества, уплата налога – почетной обязанностью. Важнейшей особенностью является тот факт, что крупным собственникам нет необходимости непосредственно участвовать в органах государственного управления. Однако тезис о том, что Европейская модель основана на отделении политики от бизнеса [2, с. 15] требует пояснения. В развитых странах крупные собственники формируют политические партии, выдвигают политических деятелей, государственных менеджеров и чиновников, которые обеспечивают права собственников всех категорий населения, но преимущественно крупных и крупнейших. То есть крупный капитал формирует наемных менеджеров и чиновников преимущественно из наиболее способных и подготовленных представителей среднего класса, которые реализуют интересы собственников всех уровней и постепенно сами становятся крупными собственниками. Процесс формирования имеет демократическую форму: всеобщие выборы, в которых участвуют от двух до десяти политических партий; формирование органов государственного управления представителями победивших партий.

Но реально контролируют положение в современных демократических странах незначительное количество семей (семейных кланов, олигархов). По неофициальным данным в США в конце 70-х годов XX века 85% национальной экономики контролировали 50 семей (не мафиозных, а обычных, так называемых семейных кла-

нов). Они контролируют экономику и политику в государстве посредством родственных, дружеских и доверительных связей, которым переданы в управление крупные части семейного капитала, а также возвращенных на этих капиталах лидеров политических партий и влиятельных общественных организаций, средств массовой информации, расставленных на ключевые позиции государственных чиновников и многое другое [3, с. 4]. К примеру, в своих автобиографических заметках Генри Киссинджер, бывший госсекретарь США, отмечает, что ему, в то время сравнительно молодому юристу крупной компании, предложение занять один из важнейших государственных постов сделал не президент США, а мультимиллионер Рокфеллер, не занимавший никаких государственных постов. Он пригласил Г. Киссинджера в свой офис и начал беседу словами: «Мы решили назначить вас...», чем был удивлен сам кандидат на этот пост.

Аналогичная ситуация и в других экономически развитых странах. Не занимая официально и формально высоких государственных постов, они находятся выше них, следят за соблюдением правил игры. Поскольку не всегда удается одному правительству, одной партии одновременно успешно реализовывать интересы крупных собственников и всего населения, то реальные хозяева в государстве меняют правящие партии, президентов, правительства, что и есть реализацией принципов демократии в условиях реальной, но на поверхности «невидимой» олигархии. «Невидимость» достигается формированием сетевых структур, что позволяет скрыть реальный уровень концентрации капитала. Так, по данным американских исследователей, 15 крупнейших семей Японии контролировали в 1996 г. лишь 2,1% ВВП, в США – 2,9% [4]. Однако эти данные далеко не соответствуют реальному положению, имеет место олигархия современного западного типа.

Понятие олигархия возникло в древней Греции. Аристотель использовал его для описания политической среды, в которой власть принадлежит богатым,

действующим скорее в собственных, чем в общественных интересах (олигархия от греч. власть, принадлежащая немногим). В наше время этот термин был использован по отношению к правящей элите в империалистической Японии, к семьям, обладающим огромной экономической властью в Латинской Америке и Восточной Азии [5, с. 5]. Больше половины корпоративных активов в Индонезии (57,7%) и на Филиппинах (52,5%) контролируются десятью крупнейшими семьями. Высокая концентрация контроля в руках крупнейших семей в Таиланде (46,2%), Гонконге (32,1%), Корее, Малайзии и Сингапуре (25%). Здесь пока еще не скрывают реальный уровень концентрации капитала.

В государствах, возникших в результате распада СССР, экономическая власть реально принадлежит небольшому количеству групп собственников, семей, которых трудно отнести к современным олигархам западного типа. Это вызвано тем, что многие из крупных собственников Украины, Российской Федерации и других постсоветских стран сформировали свое богатство, используя политическую и государственную власть. В условиях становления рыночной экономики политика стала самым эффективным бизнесом. Известны случаи принятия решений на один день, в результате чего определенные политики, группы предпринимателей становились богатыми. Покупаются и продаются голоса законодателей и т. д. Процесс обогащения в результате нахождения у вершины власти продолжается. В этих условиях практически невозможно разделить власть и бизнес, а сам процесс их слияния носит объективный характер, что основано на интересах экономической элиты. Подтверждение этому имеет место в Италии, США, РФ, Украине, где в последний период политические и высшие государственные деятели формируют и быстро развивают свой бизнес, используя собственное влияние и положение, а после ухода с высоких политических и государственных постов возглавляют эти фирмы, корпорации. Об этом пишут многие исследователи: «Сейчас уже кажется очевидным, если не

тривиальным, фактом, что на определенном уровне власть экономическая и политическая сливается», – пишет А. Неклесса [6, с. 25].

Украинский лозунг «отделить власть от бизнеса» в условиях «строящегося капитализма» кажется просто смешным [3]. «Для того, чтобы у нас сформировалось поколение настоящих политиков, необходимы устойчивые, стабильные олигархические силы. В первую очередь – это богатые люди. Только они могут себе позволить профессионально заниматься политикой» [7]. Это члены стабильных богатых семей, находящихся десятилетиями в высшем обществе своих государств. Они связаны между собой отношениями личных знакомств, дружбы и часто - семейного родства. Это относительно стабильная и замкнутая общность, в которую сложно проникать современным даже очень богатым, но сравнительно недавно разбогатевшим людям. Они не стремятся к публичной власти и деятельности, не участвуют в политической борьбе, но внимательно следят за политическими и экономическими процессами в своих странах, регионах и в мире в целом, формируют структуры управления, кадры для них, определяют правила игры, контролируют и координируют их.

Иная ситуация в Украине. Как отмечает В. Пинчук [8,с.5], «крупный украинский бизнес возник на востоке страны, в преимущественно русскоязычных индустриальных центрах – в Днепропетровске, Донецке, Харькове. Но он с самого начала был национальным по сути. Мы, украинские капиталисты, даже если говорим по-русски, думаем все равно по-украински: мы хотим, чтобы Украина была максимально независимым и европейским пространством, поскольку только при этих условиях можно надеяться на победу наиболее эффективных и безопасных принципов бизнеса». Совершенно справедливо данный автор, являющийся народным депутатом и длительное время связанный семейными узами с высшим руководством государства предпочитает применительно к себе понятие не «олигарх», а «представитель

крупного национального капитала [8, с.1].

Это соответствует действительному положению, поскольку в Украине олигархические семьи еще не «созрели». По мнению историка Н. Мирошниченко [7], «в начале третьего тысячелетия власть и собственность оказалась в руках нескольких десятков крупнейших семей, которые рассредоточены в разных регионах Украины. В каждой области или ряде областей есть один или несколько хозяев. В их ведении административный аппарат, финансовые потоки, промышленность, сельское хозяйство, они дают работу людям и являются подлинными хозяевами страны. И это хорошо.» – отмечает указанный автор. «Формальный отказ новых членов правительства, крупных чиновников и политиков, губернаторов от собственного бизнеса часто подменяется передачей этого бизнеса своим ближайшим родственникам (женам, детям, родителям). Что де-факто не решает вопросы разделения власти и бизнеса» - отмечают исследователи [2, с. 64].

Крупные структуры управленческого национального капитала зарубежные и украинские исследователи Фонда имени Фридриха Эберта называют политико-экономическими группами (ПЭГ).

“Українські ПЕГ – це складний симбіоз політичних, економічних, адміністративних, фінансових, організаційних, інформаційних, соціальних, культурних і особистісних складників. ...Феномен політико-економічних груп (варіанти: олігархічні групи, фінансово-промислові групи, “кримінальні клани”) безпосередньо пов’язаний з ключовими особливостями української політичної системи, фундаментальною ознакою якої є зрощення політики та великого бізнесу... ПЕГ – це специфічний тип груп за інтересами, для якого характерний міцний симбіоз політичних, економічних та адміністративних потуг. У цьому сенсі ПЕГ являє собою формально не державне і не власне політичне об’єднання солідарних інтересів, носії яких готові відстоювати їх реалізацію через спільну колективну дію” [2, с. 7]. Как отмечают указанные исследователи, веду-

щие ПЭГ Украины в той или иной мере представлены в политике посредством политических партий. Они больше являются инструментом продвижения ее первичных и определяющих интересов, имеющих не политическую природу. По отношению к «погруженной» в политику части групп зачастую используется понятие «лобби». Но при таком подходе отвлекается внимание от содержания интересов, их мобилизационных и организационных свойств в пользу процесса продвижения интересов, что не совсем корректно.

Авторы делают вывод, что «ПЕГ – концентрований вияв колективних, групових інтересів на перехресті бізнесу та політики в умовах дефіциту інших демократичних форм артикуляції та захисту таких інтересів”, и выделяют три основные группы украинских ПЭГ: отраслевые; региональные; финансово-промышленные.

Таким образом, ПЭГ исследователи фонда им. Эберта рассматривают как одну из форм защиты групповых интересов собственников, политиков рентоориентированной деятельности и активности, что также далеко не соответствует олигархическим семьям запада. Рентоориентированная активность характеризуется как «непроизводственная экономическая деятельность, растрата ценных ресурсов, которые могли при иных обстоятельствах служить производству дополнительных благ и услуг» [9]. То есть рентоориентированная активность действительно влияет на условное общественное благо, иногда трансформируясь в паразитическую, поскольку направлена на рентную эксплуатацию ресурсов, которые были уже кем-то когда-то созданы [2, с.9]. В Украине имеют место два направления формирования крупного бизнеса: восстановление производства на предприятиях, прошедших приватизацию; передел собственности.

Первое направление в последние пять лет имеет место в восточных регионах Украины (Донецкая, Луганская, Харьковская, Днепропетровская, Запорожская области). Сложившиеся здесь ПЭГ основаны на крупной собственности, которая требует социально-экономической и политической

стабильности. Работающие здесь структуры погасили задолженность по заработной плате, производят платежи в бюджет и другие государственные и общественные фонды, приступили к реконструкции, к созданию новых рабочих мест. В последние годы их развитие приостановилось под угрозой перераспределения собственности. Это потребовало представительства групп крупного капитала в законодательных органах, в органах государственного управления, чтобы защищать свои права собственности. В действующей Верховной Раде есть представители как региональных ПЭГ, так и крупных ФПГ или ПФГ. До момента стабилизации в обществе, регионального обеспечения неприкосновенности собственности публичное единство бизнеса и политики неизбежно. Это вызвано как необходимостью обеспечения неприкосновенности собственности, так и неприкосновенности собственника.

Первый путь развития крупного капитала обеспечил высокие темпы развития экономики Украины в 2000-2004 г. Крупные собственники вошли в политические партии, обеспечивают их финансирование и стремятся обеспечить победу на выборах тем партиям, которые гарантируют неприкосновенность крупного капитала. Они формируют соответствующие институты защиты прав собственности, что способствует демократизации общества.

Возможны ли в этих условиях демократические преобразования? Ответ на этот вопрос, по нашему мнению, заключается в том, что формирование крупного капитала есть объективный и неизбежный этап формирования современного демократического государства. По определению многих авторов, демократия – это государственный строй, при котором власть юридически принадлежит народу, провозглашается свобода и равенство граждан. Вопросы собственности при этом, как правило не рассматриваются.

В современных демократических государствах власть имеет три ветви: законодательную, исполнительную, судебную. Народ имеет определенное отношение к законодательной власти, избирая парла-

ментариев; к исполнительной, если имеют место прямые всенародные выборы; к третьей ветви – практически никакого, также как и к «четвертой власти» – средствам массовой информации, находящихся под контролем либо крупных собственников, либо государства, выражающего волю экономически господствующего класса.

О демократии чаще всего вспоминают за полгода до выборов, чтобы привлечь электорат на сторону тех или иных партий, содержащихся на средства крупного капитала.

Исходя из этого можно заключить, что демократия может развиваться одновременно с упрочением крупного капитала при условии, что обогащение немногих происходит на фоне роста благосостояния всего общества, развития среднего класса, гражданского общества, а реальная власть находится под контролем крупного капитала.

Выводы:

1. В экономическом и социальном развитии постсоциалистических стран ведущая роль принадлежит капиталу. В трансформационный период, когда общественное создание не избавилось от ориентации на уравнильность в распределении материальных и духовных благ, быстрый рост крупного капитала, формирование крупных собственников воспринимается отрицательно, что является непониманием объективных процессов развития.

2. В постсоциалистических странах провозглашено равенство и неприкосновенность всех форм собственности. Однако на практике это не всегда реализуется. Основываясь на том, что многие крупные собственники сформировались в результате рентоориентированной активности, периодически со сменой политической элиты поднимаются вопросы о переделе собственности. Это сдерживает развитие производства, побуждает крупных собственников непосредственно бороться за место в законодательных органах, обеспечивая защиту своей собственности и собственную неприкосновенность. Политика в постсоветских странах является наиболее доход-

ным и выгодным бизнесом. Постановка вопроса о разделении бизнеса и политики в данных условиях теоретически не обоснована, а в практике – нереальна.

3. Даже современные крупные собственники постсоциалистических государств заинтересованы в защите своих прав собственности, в стабильности общества, в развитии экономики. Реальный путь к этому они видят в своем прямом и непосредственном участии в законодательных и исполнительных органах власти. Передача собственности в управление членам своей семьи, друзьям, управляющим не лишает их реальной собственности и не ведет к разделению бизнеса и власти, о чем известно не только специалистам, но и мировой общественности, что порождает определенное недоверие как к крупным собственникам, так и к органам власти. По этой причине ставить вопрос о разделении бизнеса и власти также нелогично и некорректно.

4. Крупные собственники постсоциалистических государств далеко не соответствуют критериям олигархов развитых стран Запада. Последние не участвуют непосредственно в политической борьбе, в органах государственного управления. Они формируют преданных данной системе профессионалов, политические партии, наемных работников госуправления (чиновников), непосредственно публично не вмешиваясь в политику, формируют кадровую политику, следят за соблюдением правил игры. В необходимых случаях, используя демократические методы выборов, производят смену политических партий в руководстве. Этим достигается сочетание олигархии и демократии. Чтобы достичь такого уровня работы и положения, крупные собственники постсоциалистических стран должны пройти длительный путь развития, измеряемый не одним поколением. И тогда естественным путем будет снят вопрос о необходимости разделения власти и бизнеса. Реальная «невидимая» власть остается в руках олигархов (семей, групп), публичная власть – у сформированных ими партий и подготовленных профессионалов – представителей среднего класса, убеж-

денных сторонников данной системы. Народ участвует в демократических выборах тех партий и кандидатов на высшие государственные посты, которых поддерживают реальные хозяева положения. Формируются гражданские институты.

5. Изложенное выше свидетельствует о теоретической несостоятельности и практической нецелесообразности насильственного и ускоренного продвижения и реализации положения о разделении бизнеса и власти в условиях постсоциалистических государств в целом и в Украине – в частности. Это чисто политический, популистский лозунг, не подкрепленный законодательно, объективно не реализуемый в данных условиях, не способствующий стабилизации общества, его устойчивому социально-экономическому развитию.

Литература

1. Програма діяльності Кабінету Міністрів України «Назустріч людям», – К. – 2005. – 63 с.
2. Чи є політико-економічні групи перешкодою для політичного розвитку України? / – К: Фонд ім. Фрідріха Еберта, Регіональне представництво в Україні, Білорусі та Молдові, 2005. – 76 с.
3. Левченко А. Похвала олигархии // Зеркало недели. 2005 – 5 ноября – № 43 (571), – С.4.
4. Claessens S., Djankov S., Lang L. The Separation of Ownership and control in East Asian corporations. – Journal of Financial Economics, 2000, vol. 58. – № 1-2, p. 81-112.
5. Сонин К. Институциональная теория бесконечного предела // Вопросы экономики. – 2005. – № 7. – С. 4-18.
6. Неклесса А.И. Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». – М., 2001. – С. 21-34.
7. Мирошниченко Н. Миром правят олигархи // Донбасс. 2005 – 17 декабря – С. 5.
8. Пинчук В. Капитал // Зеркало недели. 2005 - 17 декабря – № 49 (577),. – С. 5.
9. Полищук Л. Экономическая эффективность и присвоение ренты: анализ спонтанной приватизации // Экономика и математические методы. – 1996. – № 2. – С. 7.

Статья поступила в редакцию 17.01.2006